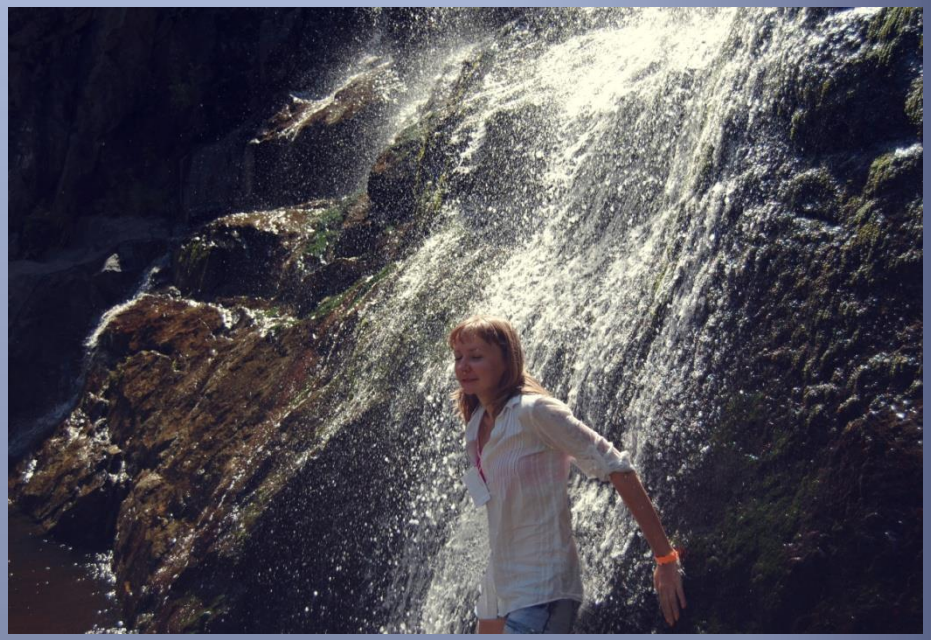


«ПРИРОДА И МЫ»

Альбом

Стихи магнитогорских авторов

Каждый человек – частичка земной фауны,
а поэты наделены еще и серебряной нитью-паутинкой,
сцепляющей их с миром природы.

Алексей Коваль

Пустыня

Мне милее людских заблуждений сухая пустыня.
Караванных путей не бывало с начала времен.
Здесь и вера одна, и законы для жизни – простые.
Здесь не спросят с тебя ни регалий, ни даже имен.

Здесь не спросят, кем был, ну а правду узнает прохлада
И под звездным шатром, и под сталью кривого ножа.
Ты, быть может, никто, а, быть может, герой из баллады.
Но пескам все равно, кто под ними, остался лежать.

Над вечернею заводью грез

Вадиму Неретину и «Детям ветра»

Над вечернею заводью грез,
Попадая в ночную тревогу,
Я иду под конвоем берез,
Находя своей жизни дорогу.

Тишина для меня – это смех,
Свежий ветер играет волнами,
Тихий шепот и жалобный плеск,
И созвездья сверкают над нами…

Мы сидим у костров и поем –
Все, что годы в душе накопили,
И плохое сжигаем огнем,
Чтобы счастливо люди все жили

Ах, Россия моя, по ночам,
Я бы спел тебе, только все спето
Я всего лишь скажу: «Не скучай,
И прислушайся к песенке ветра!

Я хотел тебе многое спеть
Про любовь, про дорогу и нежность,
Оттолкнуться от строк и лететь,
И дарить всем просящим надежду…»

Над вечернею заводью грез,
Там, где путь нам еще неизвестен,
Я спою вам про омут берез,
Смотрим в который мы вместе.

Николай Якшин

Осень

1.
Редеет лес.
Светлеет небо.
День ото дня душа моя светлей,
Как будто бы с натруженных ветвей
Воспоминанья опадают в небыль,
И прошлое — и проще, и ясней.

2.
Трезва осенняя природа.
Она исполнила своё
Предназначенье, и к невзгодам
Готовы певчие её.

И под ногой уже не листья,
А бурной жизни
Бурый прах,
И небо влажное повисло
На сиротливых тополях.

Октябрь

Никакого волшебства:
Чисто изморось повеет,
Сквозь худые рукава
Локотки берёз белеют.

И машина не спугнёт —
Лишь шумнёт, как вспенит воду,
И уйдёт за поворот
На шоссейную свободу.

Чисто, блёкло, хорошо,
Не крикливо и не гулко.
Я надвину капюшон
И пойду по переулку,

Посмотрю не торопясь,
Как темнеет влажный камень,
Уловлю живую связь
Между нами и вилками

Той капусты наливной,
Что несут в дырявых сетках
Расторопные соседки
От палатки овощной.

И невольно сбавлю шаг,
Вдруг заметив, как сорока
Уток ломаный косяк
Провожает грустным оком.

Екатерина Козырева

ОТЧИЗНЕ

Уральских гор могучие шеломы,
Глухих холмов сухие ковыли.
Вползает поезд ящеркой зелёной
На дикий гребень в голубой пыли.

За речкой Белой, повторив изгибы,
Уйдёт в проруб туннеля, в темноту,
А вынырнет, увидят, кто б там ни был,
Глубинную Отчизны красоту…

Твоих полей полынное остожье,
Твоих лесов немереную высь.
И есть пути прекраснее, быть может,
Но от своих дорог не отрекись.

Они вели, а не были ведомы!
Вчера по ним богатыри прошли…
Уральских гор могучие шеломы,
Глухих холмов сухие ковыли.

НА УРАЛЕ

Какая роскошь – заблудиться
Среди высоких этих трав!
Простору неба удивиться,
Травы роскошество примяв,
Легко брести глубоким лесом,
Кольцо озёрное найти,
С размаху загорелым всплеском
Его спокойствие смести.
Раскинуться на горном склоне,
Горячем, ровном, как платок,
На шейке ящерки зелёной
Заметить маленький глоток.
Изведав вкус воды холодной,
Журчанию ручья внимать,
Учиться мудрости природной
Всё до травинки понимать.
http://stihi.ru/avtor/kozyr&book=27#27

Владимир Бартков

Жизнь как чудо

Кто мы на фоне цветов? Только жалкие тени…
Может, уйти, своего не оставив следа?!
Много я видел красивых и мудрых творений,
Только такого нигде никогда не видал!

Только нигде не видал я прекраснее чуда,
Словно и не было прошлых чудес… И тогда
В сердце проснулась какая-то странная удаль,
Схожая с чувством открытого, злого стыда!

Поле подснежников солнцем весенним согрето,
Ранней весною цветущее жадно уже…
Даже стоять рядом с полем – всегда под запретом
Тем, у кого не осталось природы в душе!

Даже стоять… Но ступил я на нежное поле…
Лишь в оправдание – жуткое слово: «Прости».
То ли безумие, то ли отчаянье, то ли
Вместе с цветами желание в землю врасти…

Вкус воды

«Каждый знает вкус груши,
Но не каждый знает вкус воды…»
К. Морылев

Такого вкуса не ведал сроду
(А знал немало…) и ни был где б:
Я помню – пили сырую воду,
И ели самый обычный хлеб…

Жара в зените – в глазах померкло…
Над нами, знаю, бездонна глубь…
Считаюсь умным по нашим меркам,
По меркам Неба – смешон и глуп.

«Куда песчинке до знаний Неба?» –
Спросил я рядом стоящий куст…
Я знаю мягкость горбушки хлеба,
Воды едва уловимый вкус…

Александр Степанов

«Беседа»

Спросил у клёна о Природе тихим утром,
Мне робко отвечала сонная листва:
«Браток,.. в Природе всё устроено так мудро,
Постичь Её твоя бессильна голова».
…Вступало солнце в арку дымчатой лазури
Багряным сердоликом важно, не спеша.
В лучах его шептали клёна кудри:
«Познать Природу может… чистая душа…»

Мы

Влечет нас в камне красота –
Мир глубины непостижимой,
Нетленье, краски, чистота –
Дыханье Вечности незримой…
Мы в Вечности – прострел луча,
Но иногда рукой беспечной
Мы рубим Красоту сплеча,
На краткий миг ворвавшись в Вечность.

8 мая 1990г.

Игорь Гончаров

* * *

Пока она яснее янтаря –
Смола земли, текущая во мне.
Кириллицею не засорена,
И там на дне
Живой фонарик светит в тишине
Чуть впереди пера.

Но уже там – под этой тишиной,
В тех подземельях, где порядок дней
Предвосхищает замысел земной
Любви – за ней
Слетается на свет огней
Пчелиный рой,

Выискивая тонкие места
С той стороны листа.

Елена Холодова

* * *

Проснешься утром – говорит река,
Перекликается серебряными бликами
И отвечают ей издалека
Поляны переспелой земляникою.

Июль качает яблоки в саду
Ветрами, золочеными на солнце.
И я в открытом платьице иду,
И ветер по верхушкам ив несется.

Начнется семечком могучий старый клен,
Начнется усиком клубничная страница.
Того, кто этим утром не влюблен
Заставят птицы песнями влюбиться.

Проснешься в мире – часть его и суть,
Проснешься в мире – в самый полдень года.
Ромашки робко истину несут,
И в реках густо зацветают воды.

16 мая 3013 г.

* * *

День сиял на просвет, был текуч, словно мед,
А на ощупь казался таинственно-гладок.
Знала я, что меня всякий камень поймет…
…Солнце гладило между лопаток,
Солнце ласково гладило между грудей,
Рассыпало по лбу поцелуи.
Я смотрела на реку, на двух лебедей,
Золотых от бликующих струек.
Я была дорога голубым небесам,
Я была облепихам знакома…
Я ходила по хвойным душистым лесам
К заплетенному хмелями дому.
Я жила как жила – ясноглазый божок,
Босоногой и сказочно-юной.
Я ходила к болотникам, взяв батожок,
Прочитать голубичные руны…
……
Никому неизвестная суть бытия:
Мир неведом, но прост
И поет Алконост,
Мною принятый за соловья.

7 января 2014 г

Борис Ручьев

На озере

Покачнулася хата на взгорье
В камышовых ресницах озер,
Утром ясным вишневые зори
Вышивают на окнах узор.
Под горою серебряной плавью
Гладят волны озерный покров —
Хорошо этим утром мне плавать
Под налетами легких ветров.
Пляшет солнце лучистым загаром,
Льются степи узорным ковром,
Бьются волны расплавленной гарью
О борта отливным серебром.

1928

Мой июль

В птичий месяц моего рожденья
невпопад леса свистят: июль!
Росы, рассыпаясь от паденья,
умывают родину мою.
На горах костры горят без дыма,
жжет заря заказанный сосняк.
С тропками витыми и пустыми —
вся земля, как озеро, ясна.
И, признаюсь — по своей охоте,
въявь мне снится, только замолчу,
что лечу я в синем самолете,
часовым над родиной лечу...

1934

Людмла Татьяничева. Портрет.
Художник Евдокия Ананина

Людмила Татьяничева

Живу я в глубине России

Живу я в глубине России,
В краю озёр и рудных скал.
Здесь реки - сини, горы - сини,
И в синих отсветах металл.

Милы и дороги до боли,
Да так, что глаз не оторвать,
Мне брови лиственниц собольи
И сосен царственная стать.

Тайга, тайга...
Берёт отсюда
Начало изумрудный цвет.
А зеленее изумруда
Ни дерева, ни камня нет!

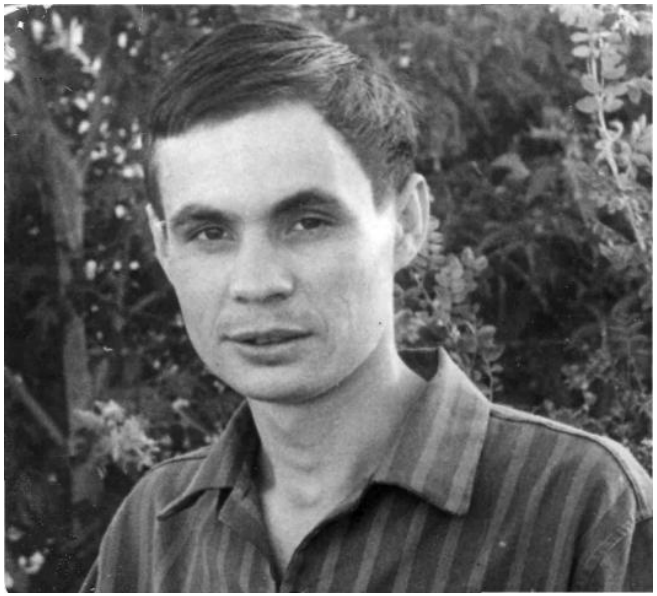
По красоте, по скрытой силе
Мне не с чем мой Урал сравнить.
Иной здесь видится Россия.
Суровей, строже, может быть.

А может, здесь она моложе...
Свежей тут времени рубеж.
Но сердце русское - всё то же.
И доброта, и песни те ж!

И лица те же, что в Рязани,
И также звучны имена.
Как солнце в драгоценной грани,
В Урале Русь отражена.

Осенняя радуга

Льет дождь. Небо мглою обложено.
Промыленны мглистым дождем
тропинки в саду унавоженном
и ветер к земле пригвожден.
Печален аквариум осени.
Но что ты там ни говори -
все ж добрые духи подбросили
нам эту погоду к двери.
Льет дождь то сильней, то смиреннее,
гудит и поет водосток.
Но вроде бы стали сиреневей
и лес, и разъезд, и восток.
Светлее как будто бы, ветреней...
Не зря же стал в комнаты вхож -
завихренный бред геометрии,
оград и деревьев чертеж.
Пей чай, полыхающий огненно,
пей чай да спокойно смотри -
пусть лужи за потными окнами
пускают в зарю пузыри.
Пусть кот ластоногий украдкою
ныряет за мокрый порог.
...Видать, дело движется к радуге -
последней на нынешний срок.



Борис Попов

* * *

Написав слово "ветер", окно отвори и замри -
вот он, ветер: живой, настоящий и точный.
От вечерней зари и до утренней самой зари
бьётся в дамбы домов и в проёмы кварталов проточных.
У поэзии русской ветра и метели в чести.
Снеговые бураны в любовную драму влетают.
Молвишь тихо "прощай", следом просится сразу "прости".
Ах, прощай и прости, незабвенная и золотая!
Этой ночью тебе не придумаю я ничего.
Безмятежно раскинувшись, спят и растут только дети.
Написав слово "ветер", от ветра узнай самого -
что сулит тебе ветер?

Таянье снегов...

Таянье снегов, водостоянье,
доски через лужи, кирпичи,
в синеву взлетающие зданья,
вороны, сороки и грачи.
И порозовевшие юницы,
и простоволосые юнцы -
голуби, голубки, голубицы,
ласточки, синицы и скворцы!
Бешеные шалые машины,
брызжущие пеной и водой.
Тополей легчайшие вершины
в пелене кольчужно-завитой.
Воссоединение, восстанье,
переход от спячки к суете -
так, что дети в диком ликованье
с приседаньем прыгают к звезде!
Я и сам - Бог весть что повторяю,
забываю, мучусь, тороплюсь
и приобретаю, и теряю,
получаю "минус" или "плюс".

...Сколько там загадано сюрпризов
для нерасшифрованных Джульетт?

И сосульки падают с карниза,
продолжая мартовский балет!

1984

Марина Казачая

Размытые краски

Неясные тени на темных обоях,
Размытые краски.
Песок раскаленный прохладным прибоем
Облизан, обласкан.
Огненный диск в море сползает,
Стремясь раствориться.
Снова сегодня в нем исчезает,
Чтоб завтра явиться.
Уже замерцали в безмолвии гордом,
Сумрак нарушив,
Может быть, спутники, может быть, звезды,
А может быть души?…
Вечность, в бездонно-свободной одежде,
Становится ближе.
Завтра все будет так же, как прежде,
Но я не увижу.

На небе ровно зеленел закат

На небе ровно зеленел закат.
Несла река сиреневые воды.
Лесные чайки, чувствуя погоду,
Метались в небе, как-то, наугад.

На берегу лежали крокодилы,
Раскрашенные в яркие цвета.
К ним с интересом дети подходили
И мерили от носа до хвоста.

На айсберге седая черепаха
Играла в карты с шахматным конем.
Плясал козел, не выдавая страха,
Перед прозрачным жертвенным огнем.

Неторопливо собирались тучи,
И начинался ярко-синий дождь…
И вот, уж ничего не разберешь
В ревущей пенной синеве кипучей.

Устала буря. Спряталась в прибой.
Ласкало солнце синеву без края…
Должно быть, сон привиделся дурной…
А может, так и было.
Я не знаю.

Когда не видно света

Когда не видно света из окон,
Иль топит ночь округу в лунном свете,
Неслышно каждый раз приходит он
И просто ждёт, когда его заметят.

Я тихо разговариваю с ним,
Однако ничего не обещаю.
Он робок, осторожен, нелюдим,
Порой несдержан. Я ему прощаю.

Умён. Нет-нет, да глянет свысока
Или надменно - видимо, порода.
Вот только вид потрепанный слегка
И, верно, будет хуже год от года...

Июль. Светает рано. А потом
Суровая зима не за горами.
Опять уходит, не зашедши в дом,
Бездомный кот с медовыми глазами.

Отпуск

Бананы, солнце, ласковый прибой…
Не передать блаженства многогранье
И не сравнить с бездонной синевой
Хрустальную прозрачность чужестранья.

Привычная ночная тишина
Безжалостно разорвана на части
Безумством смеха, музыки, вина –
Иллюзией свершившегося счастья.

Восторг эмоций, фейерверк соблазна,
Чужая речь, обычаи и танцы,
Так гармонично, так своеобразно
Умеют меж собой переплетаться.

Здесь нет проблем, и не пуржат метели.
Здесь плавишься и телом и душой.
Домой не хочется, но все же хорошо,
Что отпуск длится только три недели.

Марина Казачая

Наталья Фокина

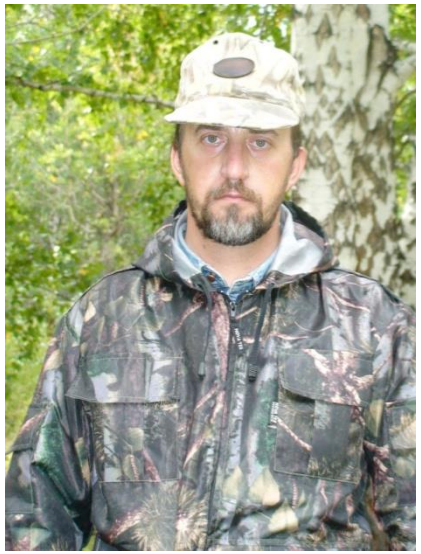
Непрерывность осени

Август вытекает из ладоней
пролитым молоком
ночных речных туманов,
капает
падучими звездами
в золотистый песок сентября,
полный листьев и спелых орехов,
по тонкому льду октября,
сквозь дожди
и холодные ветви деревьев
из колбы неба перетекает
вниз, на землю,
снежком первопутка.

* * *

Кошка
нюхает
небо.
Вдыхает, забыв выдыхать.
Трепещут
уши,
усы,
и кончик хвоста.
Вытягивается, внимая
песне,
неведомой мне.
Вся превратившись в струну:
чуть коснешься —
и —
музыка ветра
побежит по рукам.

Подожду
форточку закрывать,
пожалуй,
еще померзну,
глядя, как кошка
нюхает небо.



Сергей Рыков

* * *

Прошёл октябрь. Лес опустошён.
Где был пикник – окурки, сор, бумага…
Но вскоре лес набросит капюшон
По волшебству седеющего мага.
Ну, а сейчас утихли голоса
И отъедаются втихую птицы.
Вот еле дышит старая оса,
Уходит прочь понурая лисица.
А завтра будет тихо и светло,
Заржет в конюшне, озираясь, кляча.
И я тихонько гляну за стекло,
Чтоб не спугнуть погоду и удачу.

Юрий Ильясов

* * *

В жестоком мире, где счастье скалится
Машиной новою, икрою паюсной,
Что с нами будет? Что с нами станется?
Все продается, все покупается!

Продали реки для сплава месива,
И лес купили, чтоб делать просеки,
И вместо листьев печальной осени
Металл презренный, глумясь, навесили.

Что с нами сталось? Шел вроде мимо я:
И мимо золота, и мимо люмпена —
Куда уходишь, моя любимая?
Когда ты продана? И кем ты куплена?

В лукавом звоне один купается,
А у другого долги не розданы.
.....
Но ночью небо сверкает звездное:
Не продается. Не покупается.

Сергей

Брыков

***

Живу я, от нежности сердце очистив,
Так осенью сад очищают от листьев,
Из повести дней вырывая страницы,
Забыв о друзьях, перепутав все лица.

Боюсь, что когда-нибудь я не смогу
Заметить монетки луны на снегу.
Боюсь, что в клиентке уже не сумею
Увидеть ещё и прекрасную фею.

Боюсь, что пройду мимо ярких картин,
Боюсь не бояться, что буду один.
Боюсь, что пустое пространство квартиры
Прожжёт в моём мнимом спокойствии дыры.

Боюсь, что уже никогда не скажу
Того, что я чувствую, чем я дышу.
Боюсь, что поток непрерывных событий
Уже из игры не позволит мне выйти.

Превращение

От кирпичей, от площадей, от ламинатов,
чадящих пухом серых тополей,
ключи, таблички, документы спрятав,
зажить комариком в тени лесных ветвей.

Среди раскидистой травы вблизи болота
соорудить нехитрое жилье.
Забиться к ночи под листок и слушать; кто-то
пугает всплесками лягушечье жулье.

Встречать рассвет – рассеянный и пряный,
лететь сквозь от воды идущий пар.
Звеня протяжно забывать про города и страны
и принимать ежесекундное как дар.

Лететь туда – к тысячелетним чащам,
где терпкий дух нетронутых грибниц
где реже звук случайный, свет небес, но чаще
струится жизнь в чертах древесных лиц.

Зажить комариком таинственно таежным
нырнуть в налитую июнем благодать…
Ах, если б были превращения возможны,
ах, пусть недолго, но сначала бы начать.

Татьяна Таянова

Время снег

Максиму

Попробуй понять,
Как смешно и неискусственно,
Как просто и откровенно
Идет снег.

По капле
Молока из кувшина,
По конверту
Из рук почтаря,
По холодной белой рыбе
Из распахнутых сетей,
По честному слову красоты
Убывает у неба песен.

Так легко, так причудливо, тонко,
Постепенно, открыто и плавно
Убывает у Бога крохотных чудес.

Ответственно и непременно,
Отточено и строго,
Не считая убытки,
Не волнуясь о пустяках,
Падает снег.

Хранитель холодного,
Стражник странного,
Часовой чистого —
Исполняет долг
Дежурный зимы.

Ликуя и улыбаясь,
Пробуя куролесить,
Будто добрые дети,
Тянет к нам руки,
Желая остаться,
Исчезает снег на земле.

Со временем он кончится.
Время и снег всегда кончаются.
Чтобы мы были...
Чтобы мы неизменно были...
Готовы к их появленью.

Александр Павлов

* * *

В дождях захлебывались рощи,
и так раскатывался гром —
что травы взламывали площадь
в асфальте полувековом.

Они — в штыки на камень черствый,
в упор, насквозь, наверняка!
О, сколько силы и упорства
в живой упругости ростка!

Трава...
Сдави — и соком брызнет.
Ни нет же! Смерти вопреки
неистовым стремленьем к жизни
полны вот эти стебельки.

И душу схватывает зависть...
Вот так суметь бы в мир войти:
в холодном камне бросить завязь,
сломить его — и расцвести!

Ноябрь

Бродит ветер в поздней канители,
зябкий, неприкаянный, сырой.
По шиханам рощи облетели,
и зима вздыхает за горой.

На кустах шиповника колючих,
поджидая первый снегопад,
отголоском дней минувших, лучших,
сморщенные ягоды висят.

На протоках листья и коряги
крутит леденящая вода.
И в дождями залитом овраге
плавает холодная звезда.

Многоцветье спелое, лесное,
где же твой блистательный наряд?
Неужели так же и со мною —
эти дни, как листья, отгорят?

Что же вы, деревья, не шумите,
или не найдете нужных слов?
Только карагач — последний житель,
не смирён дыханием снегов.

Владилен Машковцев

Оленёнок

Р. Дышаленковой

К небу тянут руки клёны,
на ветру сквозном звеня.
Кареокий оленёнок
робко смотрит на меня.
Я лежу в зелёной пади,
мну духмяную траву,
я хочу его погладить,
я зову его, зову.
Каменеет он тревожно,
чтоб от страха не дрожать.
Подойти ко мне не может
и не может убежать.
Нам под солнцем
вместе греться,
я смеюсь и радость пью,
я ему, как будто сердце,
лист кленовый подаю.
Он и верит, и не верит,
и смятенье на виду,
будто он боится зверя
или чувствует беду.
Он в чутье таежном тонок,
тают трепеты в груди.
О, не бойся, оленёнок,
подойди же, подойди!

Беспощаден мир великий,
но душа моя чиста,
как прозрачные прожилки
у кленового листа.
Будет вечно жизнь держаться
этим светлым торжеством.
Но боится он сближаться
с непонятным существом.